

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П.А. ВЯЗЕМСКОГО 1840-Х ГОДОВ

В. В. Липич
К. С. Позднякова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
lipich_v@bsu.edu.ru
Pozdniakova_k@mail.ru*

В статье рассматривается литературно-критическая деятельность П.А. Вяземского периода 1840-х годов. Основное внимание сосредоточено на двух самых ярких статьях этого периода: «Языков и Гоголь» (1847) и «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина» (1847).

Ключевые слова: критика, статья, журнал, литературный разбор.

Многие литературоведы считают, что Вяземский-критик закончил свое творчество в 1830-х годах. Но это не так. Да, как таковые критические разборы он перестал печатать на страницах журналов, но сохранились и обширная переписка, и записные книжки Петра Андреевича. Условно этот материал можно разделить на несколько групп: письма и заметки сугубо личного характера, размышления над государственными вопросами и политическо-экономические изыскания, письма и записи в записных книжках, предназначенные для широкого круга читателей. Особый интерес представляют последние две группы.

1830-е годы сильно поменяли П. А. Вяземского: он стал терпимее и на многое смотрел другими глазами. Вера для него теперь один из атрибутов полноценной жизни. Но трагический 1840 г. стал для критика рубежом, после которого его отношение к вере поменялось резко и ощутимо. Она становится ему необходимой без всяких доказательств. 14 октября 1840 г. умер князь Петр Борисович Козловский, с которым Вяземского связывали шесть лет дружбы. Но эта дружба дала ему больше, чем иные многолетние знакомства. 22 ноября умерла дочь Петра Андреевича. Через полгода после этих событий, 26 июня 1841 г. он написал Тургеневу о своем тогдашнем состоянии: «Моя жизнь не принадлежит больше этому миру, между тем я не могу сказать, что она принадлежит иному. Я в раздумии на рубеже. Скорбь сокрушила во мне привычки жизни и веру в обещания смерти. Жить не хочу, а умирать не желаю. Здесь я по крайней мере помню, люблю и страдаю; а после, может быть, и этого не будет. Верно то, что что-нибудь да есть и будет, но не то, что думаем и чему нас учат; тут не могу свести концы с концами. Не вольнодумство, не высокоумие говорит во мне. Нет, одна скорбь, которою я убит. «Лежачего не бьют», – говорят добрые люди; у Провидения, видно, правило другое: оно лежачих и бьет. Но в моей природе нет стихий ни геройства, ни мученичества. Испытания мои выше меры моей, выше силы моей. Рим потряс меня, Баден сокрушил» [1, с. 139 – 140].

В ноябре Вяземский решает написать небольшой набросок о Козловском. Обратиться именно к этой личности он решил, потому что видел в нем себя, как ему казалось, завершившего свой путь. Очерк вышел небольшим, но образ Козловского еще долго не оставлял Вяземского, и в 1868 г. он начнет работу над его биографией.

Именно с начала 1840-х гг. Вяземский осознает себя представителем творческого поколения, ушедшего из жизни. Он постоянно возвращается к прошлому и настроен против настоящего, считая, что оно отчуждено от всей предшествующей литературной традиции. Из современных литераторов он признает только Н. В. Гоголя.

15 апреля 1841 г. Вяземский присутствует на очередных похоронах – адмирала Шишкова – одного из главных противников «Арзамаса». В своих записных книжках он признает, что Шишков «...и не умный человек, и не автор с дарованием...». Когда многие литераторы той поры смеялись над его манифестами, «...народ, Россия, читали их с восторгом и умилением, и теперь многие восхищаются их красноречием» [2, с. 217, 218].

В это же время Вяземский обращается к исследованию литературного языка. Он возмущен слогом современных писателей: «Бездарность, талантливый – новые площадные выражения, вкравшиеся в наш литературный язык. Дмитриев правду говорил, что наши новые писатели учатся языку у лабазников» [2, с. 219]. В другой записке он тонко подмечает, почему так происходит: «Наша литературная бедность объясняется тем, что наши умные и образованные люди вообще не грамотны, а наши грамотные вообще не умны и не образованы» [2, с. 223].

Что касается журналов, то Вяземского в 1940-х гг. интересовал лишь один – «Москвитянин», но даже там за десять лет он не опубликовал ни одной работы. Правда в феврале 1843 г. он решил вместе с Глинкой и Одоевским издать «драматическо-музыкально-художественный сборник», но их планы так и не осуществились. После этого он жаловался Жуковскому: «Ты не поверишь, как при этом разлив мнений, совершенно мне противоположных, трудно отстаивать свое мнение. Я один против всех. Даже сын идет на отца, и от Павлуши мне крепко достается. Впрочем, я обыкновенно отступаю на попятный двор. Жаль, что нельзя печатно перебивать эти вопросы. Тут я как-нибудь бы сладил» [1, с. 464]. Но тут надо заметить, что вопросов, которые бы вызывали у Вяземского желание их «печатно перебивать» становилось все меньше и меньше. Для него не стали событиями ни «Герой нашего времени», ни даже «Мертвые души», вокруг которых бились и спорили почти все критики. Читая эти разборы, он видел, что истины нет практически ни в одном высказывании. Но сам сообщать эту истину он не собирался. Лишь несколько крупных выступлений Вяземского в публицистике были в те годы. Они связаны с именами французского литератора Астольфа де Кюстина и Гоголя.

В 1843 г. в Париже был издан четырехтомник А. де Кюстина «Россия в 1839 году», где он расписал все социальные уродства Российской Империи. Ему не нравилось в России все – от принципа правления до климата. Это издание вызвало множество откликов и тут же было запрещено к ввозу в Москву. Но все, кто хотел прочесть книгу, все-таки нашли способ это сделать. На мысль написать своего рода отповедь Вяземского натолкнул Александр Тургенев. Критик справедливо пишет, что «Мы знаем наши собственные недостатки намного лучше, нежели наши пересудчики и хулители. Мы видим все то, что нам еще недостает как нации, являющейся дочерью великой европейской семьи. Мы знаем, что нам необходимо еще много трудиться над самими собой и многое приобрести с тем, чтобы достичь того положения, к которому влекут нас наши условия и наши обеты. Мы не ставим наше собственное движение впереди всей цивилизации: мы не претендуем быть наставниками и учителями других народов. Но мы также обладаем своим местом под солнцем, и не маркизу де Кюстину лишать его нас» [1, с. 267]. Отповедь могла бы продолжаться в гневном духе и дальше, но Вяземского отвлек указ Николая I «О дополнительных правилах на выдачу заграничных паспортов» от 15 марта 1844 года. Критик хотел закончить статью и опубликовать ее именно в Париже, но русская глупость возмущает его гораздо больше французской. В нем вновь просыпается страсть к общественно-политическим делам.

Вяземский убежден, что самые высокие должности занимают люди, абсолютно им не соответствующие. Но теперь он может лишь писать свои замечания и понимать, что от него ничего не зависит. Например, когда министр государственных имуществ Павел Дмитриевич Киселев тщетно пытался доказать Николаю I необходимость освобождения крестьян, Вяземский в записных книжках отмечает: «В отличие от других стран, у нас революционным является правительство, а консервативной – нация. Пра-

вительство способно к авантюрам, оно нетерпеливо, непостоянно, оно – новатор и разрушитель. Либо оно погружено в апатический сон и ничего не предпринимает, что бы отвечало потребностям и ожиданиям момента, либо оно пробуждается внезапно, как от мушиного укуса, разбирает по своему произволу один из жгучих вопросов, не учитывая его значения и того, что вся страна легко могла бы вспыхнуть с четырех углов, если бы не инстинкт и не здравый смысл нации, которые помогают парализовать этот порыв и считать его несостоявшимся... Правительство производит беспорядки: страна выправляет их способом непризнания; без протеста, без указаний страна упраздняет плохие мероприятия правительства. Правительство запрашивает страну, она не отзывается, на вопрос нет ответа... Но у нас власть совершенно лишена способности узнавать и чувствовать людей» [2, с. 229]. В последней фразе просматривается давняя обида Вяземского на тех, кто 15 лет назад заставил его выйти из большой политики, где он был так полезен.

1 января 1847 г. Плетнев принес Вяземскому книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», а в марте критик получил от Гоголя письмо с просьбой написать рецензию на это произведение. Так появилась обширная статья с двойным названием «Языков и Гоголь» (1847). Такое название не было случайностью. В своей книге Гоголь выделяет Языкова из всех поэтов пушкинского времени. Вяземскому это очень понравилось, а уже через час к критику пришел Плетнев и сообщил, что пять дней назад Языков умер. Это совпадение поразило Вяземского, и он решил дать своей статье двойное название.

П. А. Вяземский здесь подвел итог развитию русской поэзии на протяжении более чем столетнего ее пути – от Ломоносова до поэтов пушкинской плеяды. «Смертью Языкова, – пишет он, – русская поэзия понесла чувствительный и незабвенный урон. В нем угасла последняя звезда Пушкинского созвездия, с ним навсегда умолкли последние отголоски пушкинской лиры. Пушкин, Дельвиг, Баратынский, Языков не только по современности, но и по поэтическим соотношениям, каким-то семейным общим выражением образуют у нас нераздельное явление. Ими олицетворяется последний период поэзии нашей, ими, по крайней мере донныне, замыкается постепенное развитие ее, означенное первоначально именами Ломоносова, Петрова, Державина, после Карамзина и Дмитриева, позднее Жуковского и Батюшкова. В сих именах сосредоточивается отличительное выражение поэзии русской; это ее краеугольные, заглавные, родоначальные имена» [3, с. 163]. Если к этому перечню прибавить имена Лермонтова и Кольцова, о которых критик сочувственно отзывается, то получается довольно полная картина истории поэзии XIII-первой половины XIX в. Вяземский постарался первую часть исследования выдержать в духе некролога, но все-таки выплеснул некоторые мысли, которые в последнее время тяготили его. Например, он решил высказать свою позицию по поводу славянофильства: «Мне не входит ни в голову, ни в сердце, что можно положить себе за правило и обязанность предпочитать русскую Волгу немецкому Рейну. Не понимаю Языкова, но сочувствую ему, умиляюсь и увлекаюсь чувством его, когда вижу, что он остается волжанином в виду красивого Рейн-Гау или грозного водопада. Языков был влюблен в Россию» [3, с. 169]. Это чувство разделял и Вяземский. Но, с другой стороны, говорит, что «...невозможно отделить, отрубить чисто народное от общечеловеческого» [3, с. 169]. Этими высказываниями он поставил себя выше спора славянофилов и западников, беря на себя роль мудрого арбитра в этой схватке.

После своеобразного некролога Языкову Вяземский переходит к разбору книги Гоголя и с первых строк заявляет, что книга появилась вовремя и была нужна. Сначала Вяземский обращается к «Мертвым душам», высказывая, что ему не понравилась сосредоточенность на «хламе и нечистоте общества» [3, с. 174]. Отдельные недостатки, как отмечал П. А. Вяземский, присущи и «Выбранным местам из переписки с друзьями», но эти недостатки всего лишь частности. В целом же книга «...есть чистая, светлая хранина. Строгое и стройное убранство ее успокаивает зрение и душу. В ней протрезвляются чувства и утихают волнения, подъятые тревожными и раздражительными впе-

чатлениями, которые отовсюду осаждают нас. Она призывает к тихому размышлению, втесняет нас, сосредоточивает в самих себе. Из нее выходишь с духом умиленным, с сознательностью и с чувством любви и благодарности к ее строителю и хозяину» [3, с. 183]. Что касается художественности, то тут у П. А. Вяземского к Н. В. Гоголю претензий нет. Критик отмечает, что некоторые места в книге могут стать вровень с лучшими образцами отечественной прозы. «Везде виден человек, который духовными исследованиями над собою и жизнью доискался многого и дошел далеко», – отмечает П. А. Вяземский. Интересно, что только он отнесся к книге Гоголя с таким уважением и пониманием, поскольку литературное большинство не приняло и не поняло это произведение. Ходили даже слухи о сумасшествии автора. В ответ на свою исповедь Н. В. Гоголь выслушал обвинения в гордыне, отрицании России, противоречивости, измене. Белинский вообще считал, что этой книгой Н. В. Гоголь отрекся от лучших своих творений. Среди всех критиков и литераторов только два человека сохранили объективность и смогли по достоинству оценить «Выбранные места из переписки с друзьями» – Аполлон Григорьев и П. А. Вяземский. Последний смог почувствовать, что эта книга – не притворство, а действительно исповедь. Не соглашаясь со многими мнениями автора, он все же счел публикацию переписки мужественным поступком, равным которому не было ранее в русской литературе. П. А. Вяземский пытается защитить Н. В. Гоголя, исповедь которого не приняли и не поняли: «Он изливает перед нами сокровеннейшие тайны свои... А вы строго и самопроизвольно судите, разбираете, так ли он плачет, как следует, не притворяется ли он, не малодушничает ли?.. Вы с жестокою радостью нападаете на него, когда вам кажется, что он промолвился, что он противоречит себе, как будто скорбь может всегда рассчитывать слова свои... Мы чувствуем и толкуем о независимости, о свободе понятий, а в нас нет даже терпимости» [3, с. 177]. Так Вяземский стал невольным исповедником и защитником исповеди.

Интересно, что П.А. Вяземский обращается не только к непосредственному анализу произведения – в статье находится место и для отражения нападок других критиков на Н. В. Гоголя. Критик счел нужным полемизировать с В. Г. Белинским, который назвал книгу падением Н. В. Гоголя. П.А. Вяземский не называл имени своего противника, хотя в шпильках и уколах все узнали В. Г. Белинского. В этих выпадах читался прежний Вяземский, который в 1820-х гг. своими издевательскими стрелами давил оппонентов. Иронизируя над В. Г. Белинским, критик пишет: «В некоторых журналах имя Гоголя сделалось альфою и омегою литературного рассуждения. В духовной нищете своей, многие непризванные писатели кормились этим именем, как единым насущным хлебом своим... Теперь, оторопев, они не знают, за что и приняться. Конечно, положение их неприятно и забавно. Но что же делать? Сами накликали и накричали они беду на себя. Но, впрочем, в утешение свое, если вырвался из рук их живой, могут они удержать за собою мертвых. Пушкин, Лермонтов, Грибоедов и этот бедный, неповинный Кольцов, который бог знает как сюда попал, не могут уже вступить за себя» [3, с. 171, 172]. Эта брошенная перчатка в сторону В. Г. Белинского удивила самого Н.В. Гоголя. По прочтении статьи он пишет П. А. Вяземскому: «...Мне кажется, что выразились вы несколько сурово о некоторых моих нападателях, особенно о тех, которые прежде меня выхваляли... Бог знает, может быть, и нам будет сделан упрек в гордости за то, что мы несколько жестоко оттолкнули их, оскорбясь какою-нибудь их дерзостью, тогда как наш совет, может быть, им был бы нужен и спас бы их от многого того, за что их укорять теперь справедливо» [4, с. 385].

Далее П. А. Вяземский отмечает, что журнальная критика «...явила странные требования. Казалось ей, будто она и мы все имеем какое-то крепостное право над ним, как будто он приписан к такому-то участку земли, с которого он не волен был сойти. На эту книгу смотрели, как на возмущение, на предательство, на неблагодарность» [3, с. 176]. Скорее всего, П. А. Вяземский увидел себя в Н. В. Гоголе – писателя, не желающего поступаться своими убеждениями в угоду кому-либо, смело говорящего вслух то, что нужно сказать.

Статья была опубликована в «Санкт-Петербургских ведомостях». Сказать, что реакция публики была неоднозначна – совсем ничего не сказать. Статью не приняли ни славянофилы, ни западники. Вяземский, как и Гоголь, оказался виноват тем, что мыслил не так, как все. Одним из тех, кто встал на сторону критика, был Чаадаев, он, как нам представляется, точнее всех понял то, о чем хотел сказать Вяземский. Он пишет: «Вам, кажется, всего более хотелось показать ее (книги – авт.) важность в нравственном отношении и необходимость оборота, происшедшего в мыслях автора, и это, по моему мнению, вы исполнили прекрасно» [5, с. 283]. Возможно, этой статьей Вяземский попытался вернуться в литературу в качестве одного из самых ярких представителей критической мысли России XIX в., как это было в 1820-х годах. Чтобы упрочить свое положение, он задумывает написать еще одну литературно-критическую работу. Так появляется статья «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина» (1847), которую вполне можно назвать программной для периода 1940-х годов.

С первых страниц Вяземский отвечает на упреки в адрес дворянских писателей, раздающиеся из демократического лагеря: «Ничего нет забавнее доктринского высокомерия некоторых писателей наших, когда они с жалостью и презрением отзываются о легкомыслии, пустоте и недостатке нравственных начал нашего высшего, или аристократического общества. Во-первых, хочется спросить многих из них: а вы почему это знаете? Во-вторых, просить их указать нам на этих стойков и квакеров нашего среднего общества, которые мужеством и доблестью и смиренным благочестием могли бы пристыдить слабодушие и предосудительные поползновения грешников высшего общества. Где же эти литературные труженики, эти бенедиктинцы, святые отцы науки, которые посвятили себя исключительно подвижничеству мысли и слова, собрали сокровища науки и, мимо высшего общества, одни, сами собою, облагодетельствовали и просветили русский мир? Где они? Укажите, Бога ради» [3, с. 195]. Под пером Вяземского – одного из последних «писателей пушкинского круга» литературное обозрение десятилетия превращается в настоящий манифест литературной аристократии.

Интересно и удивительно читать следующие строки: «Журналы дело хорошее и полезное, но при соблюдении некоторых условий. Журналы должны быть дополнением к литературе, а не могут быть заменой ее. Надобно начать литературу и кончить журналисткою. У нас журналистика стала впереди. Это незаконное завладение чужою собственностью. Это самозванство» [3, с. 206]. Перед этим он приводит строки князя Д. П. Горчакова, который сказал давно:

«И наконец я зрю в стране моей родной
Журналов тысячу, а книги ни одной» [3, с. 205].

И далее говорит о том, что литература «...выжита из наследственных и роскошных своих палат» [3, с. 205]. Эти мысли не совсем привычны. Ведь П. А. Вяземский всегда говорил о недостатке в России периодических печатных изданий и сам не раз был начинателем журнальных баталий. А теперь он довольно-таки жестко говорит о современной журналистике. Он проводит четкую границу между дворянскими журналами начала века и современными демократическими изданиями. Причем на последние он обрушивается с жесткой критикой, считая, что среднее сословие принесло в журналистику низменные нравы, уничтожив подлинный просветительский тип журнала. В статье Вяземский со злой иронией рисует образ современного редактора: «У нас журнал – не коллективная сила. У нас первый Петр Иванович Добчинский или первый Петр Иванович Бобчинский может завести журнал, как завел бы он табачную лавочку. Разница только в том, что для заведения табачной или другой лавочки нужно предварительно иметь все-таки какой-нибудь запасной капитал; а здесь сами потребители, покупщики-подписчики вносят заранее и на кредит деньги в открывающуюся лавочку в надежде на товар и на будущие блага» [3, с. 207 – 208].

Критик сокрушается, что из-за такого положения дел в журнальной среде портится и молодежь, которая теперь может печатать какие угодно статьи, часто не разбираясь в специфике вопроса: «Молодежь, которая сама ничего не читала, кроме теку-

щих журналов, пускается тоже в журнальный колдоворот, пишет статьи и учит тому, чему сама не училась, по той простой и естественной причине, что она не училась ничему. Можно представить себе, какие слои, какие пласты ошибочных лживых и превратных понятий и сведений, какая гуща невежества окончательно ложатся на умы молодых поколений, которые образуют себя на этой нездоровой почве и питаются этими смешанными и мутными подонками» [3, с. 206].

Статья получилась довольно мрачная. Критик фактически объявляет сороковые годы в русской литературе несуществующими, демонстративно не желая замечать ни одно новое имя, появившееся в печати. Говорит он только о Карамзине, Жуковском, Пушкине, Лермонтове. Странно, что в этот ряд не попал и Гоголь. Можно предположить, что так случилось по причине того, что ему до этого была посвящена отдельная статья. Поэтому большая часть литературно-критической работы – это не обзор современного состояния литературы (как это заявлено в заглавии), а воспоминания критика о творчестве великих ушедших писателей.

Таким образом, литературно-критическая деятельность 1840-х гг. становится для Вяземского способом познания не современной литературы, а поводом еще раз вспомнить прошлое, где он был передовым деятелем русской литературы. Ведь именно в 1820 – 1830-х гг. он писал свои самые значительные и передовые литературно-критические манифесты.

Список литературы

1. Остафьевский архив князей Вяземских. – Т. 4. – СПб, 1899. – 342 с.
2. Вяземский П. А. Записные книжки. – М.: Русская книга, 1992. – 384 с.
3. Вяземский П. А. Собрание сочинений. В 2-х томах. – Т. 2. – М.: Художественная литература, 1982. – 383 с.
4. Гоголь Н. В. Собрание сочинений. В 9-ти томах. – Т. 9. – М.: Русская книга, 1994. – 784 с.
5. Чаадаев П. Я. Сочинения и письма. В 2-х томах. – Т. 2. – М.: Типография А. И. Мамонтова, 1914. – 343 с.

LITERARY-CRITICAL ACTIVITY OF P. A. VYAZEMSKY IN 1840'S

V. V. Lipich
K. S. Pozdnyakova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
lipich_v@bsu.edu.ru
Pozdniakova_k@mail.ru*

In the article literary-critical activity of P.A. Vyazemsky in 1840's is considered. The attention is drawn upon two brightest articles of this period: «Languages and Gogol» (1847) and «The Sight at our literature in a decade after Pushkin's death» (1847).

Key words: criticism, article, magazine, literary analysis.